

Матвеев Олег Владимирович
доктор исторических наук,
профессор кафедры дореволюционной
отечественной истории
Кубанского государственного университета
тел.: (918) 081-00-47

К преодолению историографического тупика в изучении Кавказской войны: концепции взаимопознания*

Аннотация: Статья посвящена характеристике современным историко-антропологическим подходам к явлению Кавказской войны, которые позволяют преодолеть историографический тупик в оценке и анализе этой противоречивой эпохи в истории взаимоотношений России и народов Северного Кавказа. Акцент сделан на направления, связанные с этнографией войны, теорией «контактных зон», «фронтира», «российскости», империологии

Ключевые слова: Кавказская война, историография, империя, горцы, военно-административный аппарат

Matveev Oleg Vladimirovich
D.Phil. in History,
Professor of the Pre-revolutionary
Russian History Department,
Kuban State University
tel.: (918) 081-00-47

To overcome the impasse in the study of historiography of the Caucasian war: concept appreciation is deepening

Abstract: the article is devoted to the contemporary historical and anthropological approaches to the phenomenon of the Caucasian war to overcome the stalemate in the historiographical evaluation and analysis of this controversial epoch in the history of relations between Russia and the peoples of the Northern Caucasus. Emphasis is placed on areas related to the Ethnography of the war, the theory of "contact zones", "Frontier Foundation», «rossijskost», imperiology.

* Работа выполнена при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации в рамках реализации мероприятий ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 годы по проекту «Политика России на Кавказе в прошлом и настоящем: документальная база, интерпретации и противодействие фальсификации истории» (Соглашение 14.В37.21.0966).

Key words: Caucasian war, historiography, Empire, the Highlanders, the military-administrative staff

Сегодня перед российским кавказоведением стоит задача не углубления межцивилизационных разломов, а преодоления их. Необходимо, наконец, осознать старую как мир истину: постижение другого есть познание себя. Только стремление к познанию и уважению «другого», по мысли выдающегося современного кавказоведа В.В. Дегоева, «даёт робкую надежду, что на Кавказе «войны национальных историй постепенно угаснут и уж во всяком случае, не перерастут в войны национальных армий» [1, с. 34]. Противостояние версий о жестокой колониальной политике царской России и о провоцирующей роли дикого разбойничьего мира горцев, от которого Россия вынуждена была обороняться, приводит лишь к накоплению стандартного набора аргументов без всякого движения вперёд. Поэтому заслуживает внимания концептуальные усилия последних десятилетий, часто не заметные на фоне продолжающейся войны историографий, но несущие позитивный заряд, способный помочь в преодолении историографических тупиков. В этих концепция Кавказская война рассматривается не как поле классического вооружённого столкновения, а как пространство сложного, и во многом плодотворного взаимодействия людей, представляющих разные культуры, идеи, традиции и навыки [1, с. 30].

Один из выходов из историографического тупика видится нам в широком применении антропологических подходов к явлению Кавказской войны, демонстрируемых в последние десятилетия рядом исследователей, в том числе в развитии такого исследовательского направления, как этнография войны. Этнография войны, отмечает Н.И. Бондарь, это многокомпонентная предметная область, которая «включает в себя не только этнический состав воюющих сторон, но и все блоки и компоненты культуры, как традиционные, так и инновационные», демонстрирующие этнокультурное своеобразие. В области материальной культуры это направление может быть представлено изучением рода военных занятий, адаптации к военно-бытовой повседневности (жилище, одежда и вооружении, система питания и др.); в области соционормативной

культуры – исследованием взаимодействий и противоречий между обычаями и «законами военного времени»; в духовной культуре – исследованиями лексики, фольклорных форм, мировоззренческих представлений о войне, формируемых как на основе традиционных пластов, так и инновационных текстов [2, с. 147–154; 4, с. 179–182]. Несколько ранее В.А. Тишков попытался определить предметные области этнографии войны как «неповторимую по своему рецепту культуру выживания, которая вбирает в себя многие элементы экономики, психологии и политики, мобилизованные социально культурные институты и ежедневные новации» [4, с. 357], «одну из форм жизни в её крайне противоречивых и драматичных проявлениях»: бой, плен, победы, песни, слухи и пр. [4, с. 356], «трудно уловимую, но реально существующую связь между миром жизни и миром смерти, когда феномен насилия, бесспорно, демонстрирует свою принадлежность к сфере жизненных проявлений» [4, с. 356], образы врага [4, с. 358], религию на войне, этнографию заложничества и др.

Из современных исследований, приближающихся к данному направлению, остановлюсь на двух: монографии петербургского учёного Владимира Викентьевича Лапина о русской армии в Кавказской войне и книге одного из самых талантливых молодых учёных Кабардина Балкарии Асланбека Марзея о военном быте черкесов в XVIII – первой половине XIX вв. Лучше всего В.В. Лапину удались как раз разделы, связанные с характеристикой историко-психологического типа солдат, офицеров и генералов Отдельного Кавказского корпуса, формирования особой военной общности «кавказцев». По мнению автора, «постоянство» войны, необходимость адаптации к реалиям края способствовали превращению Отдельного Кавказского корпуса в некий субэтнос, заметно отличающийся и своим бытом и ментальностью от остальной императорской армии. Русская армия на Кавказе оказалась вовлечённой в процесс формирования культуры фронта, элементы которой вступали в противоречие с уставными нормативными требованиями. Русская армия приспособлялась к местным условиям, считает В.В. Лапин, не считаясь с тем,

что все адаптационные меры в области обмундирования, фортификации, тактических установок и т.д., либо не утверждались, либо закреплялись в нормативных актах со значительным опозданием. В то же время, считает автор, вооруженные силы России и военная организация горцев имели различные знаковые системы и не могли найти общего языка [5, с. 378–379]. К сожалению, история Отдельного Кавказского корпуса подаётся в книге лишь через призму военного противостояния с горцами. Вне исследовательского интереса В.В. Лапина оказалась созидательная деятельность кавказских войск в сфере хозяйственного освоения региона, его духовного развития, роль «кавказцев» в установлении взаимопонимания с местными народами. Результаты этой мирной миссии Отдельного Кавказского корпуса, как это прекрасно показал в своей кандидатской диссертации и монографии О.С. Пылков, были не менее внушительны, нежели лежащие на поверхности бои за Ахульго, Дарго, Гуниб или покорение Западного Кавказа [6]. Не менее внушительной выглядит роль Кавказской армии в создании собственно научного кавказоведения, в развитии в её рамках интеграционных возможностей литературы, искусства музееведения и пр. [7].

Асланбек Марзей – яркая, талантливая, и в то же время трагическая фигура в современной этнографии Кавказской войны. Изучая воинскую систему ценностей горцев, он совершенно обоснованно оперирует понятием «культура войны». Несколько идеализируя «рыцарский кодекс» черкесского общества, учёные не скрывал, что в ходе противостояния на Западном Кавказе партизанский характер ведения военных действий во многом сказался на трансформации этикета черкесского наездничества, заставил «употреблять в видах самосохранения и возмездия много таких уловок, которые не вытекали из духа народа» [8, с. 137]. Сколько у нас было сломано копий в отношении моральных оценок обычая, связанного с отрубанием голов у убитых противников в годы Кавказской войны. Асланбек Марзей взвешенно, с глубокими историческими экскурсами вплоть до «Илиады» Гомера, показывает, что этот обычай бытовал у многих народов, на Кавказе имел

ритуальный характер и был связан с представлениями о том, что душа убитого не могла мстить убийце [8, с. 147]. Объективный спокойный антропологический подход исследования помогает прояснить многие спорные моменты кавказского противостояния и уйти от крайностей.

Весьма перспективной представляется теория «контактных зон», активно разрабатываемая как на зарубежном, так и на отечественном историческом материалах. Востребованным в данном случае предстаёт и опыт военно-исторической антропологии США, связанный с изучением фронта американской истории (Ф. Тернер, Е. Фернисс, Д. Херман, Д. Брукс и др.). Перемещение внимания от изучения противоборства переселенцев из Старого Света и индейских обществ в сторону социокультурных контактных зон позволило американским историкам и антропологам отслеживать культурное взаимовлияние коренных американцев и бывших европейцев. Исследования не просто истории военного расширения границ США, а людей (агентов), втянутых в эти конфликты (*agens of conflict*) помогли преодолеть взгляд на коренных американцев лишь как на людей, в лучшем случае, «благородных и обреченных» (*as noble and doomed*), выявить многослойные контактные зоны (*multi-layered contact zones*), сообщества, которые шли навстречу друг другу по пути «примирения и культурного переопределения» (*conciliation and cultural redefinition*) [9, 10, 11]. В отечественной историографии концепция «контактных зон» активно разрабатывалась медиевистами (В.Д. Королюк, Е.А. Мельникова), в современном историческом кавказоведении её приверженцами являются Л.С. Гатагова, В.В. Черноус, Д.И. Олейников [12, 13, 14, с. 8–9; 15], призывают преодолеть ограниченность самостоятельного развития этой концепции и интегрировать её подходы с концептом фронта окраин российского государства Т.П. Хлынина, Е.Ф. Кринко и А.Т. Урушадзе [14, с. 9]. Представляется, что концепция «контактных зон» далеко не исчерпала своих возможностей в изучении антропологии и истории Кавказской войны. Преодолев лежащее на поверхности прямолинейное рассмотрение конфликта как вооружённого противостояния «всей» Российской империи со «всеми»

горцами, это научное направление предпочитает говорить не о жёстком барьере, разделяющем царскую Россию и кавказские народы в 1820-е–1860-е гг., а о встрече культур на фоне цивилизационного разлома [15, с. 230]. При таком подходе исследовательский акцент делается не на соперничество, а на взаимодействие в рамках «контактной зоны». В реалиях Кавказской войны подобные «контактные зоны» отражают не только трагическую двойственность мировосприятия людей, оказавшихся сразу в двух несхожих культурах, но и выступают связующим звеном в общении российского и кавказского миров, постепенно превращающего разлом цивилизаций в срастающийся шов. Возьмём, например, такой институт Кавказской войны, как лазутчики. «Своим среди чужих, чужим среди своих» лазутчик был одновременно для обеих сторон, участвовавших в конфликте. Официальный язык Кавказской войны («продажный», «алчный», «коварный» и др. в глазах русских; «хлебающий свиной суп», «поганный», «гяурский всадник» и т.п. в глазах горцев) не всегда позволяет объективно оценить константы бытования института лазутчиков. Между тем пограничное положение последнего способствовало превращению «границы-фронта» войны в «границу-контактную зону» (фронтир). Вместе с другими подобными контактными зонами, этот институт работал, в конечном счёте, на интеграцию, оформление единого российско-кавказского историко-культурного пространства. Лазутчики брали на себя большой нравственный груз, который самым драматическим образом сказывался на судьбах этих людей. Но при всей противоречивости мотивов тайных контактов в своём большинстве они способствовали пониманию и сближению позиций конфликтующих миров, формированию заинтересованности и взаимоуважения [16, с. 44–56].

Выявление и анализ «контактных зон» показывает, что в истории Кавказской войны и её трагических последствий имеются страницы, сближавшие наши народы, эпизоды сотрудничества, которые сложнее, богаче и многообразнее любых идеологических штампов. Правда, изучение этих событий требует не скороспелых пропагандистских сочинений, а кропотливой

работы с источниками, без обвинений и покаяний. Во взаимоотношениях между людьми, представлявшими враждебные лагеря в кавказском противостоянии, не раз действовали понятные для всех народов человеческие добродетели – человеколюбие, взаимоуважение, чувство благодарности. Отражая состояние и потребности души солдат Отдельного Кавказского корпуса, казаков и горцев, эти качества приобретали особый смысл на фоне неизменных спутников любой войны – грязи, жестокости и вероломства [17, с. 64–79].

Концепция «контактных зон» во многом сближается с принимаемой и применяемой рядом современных кавказоведов теорией «фронтира». Правда, груз идеологического воздействия на историческое кавказоведение здесь продолжает сказываться настолько, что в некоторых случаях «фронтир» обещает перерасти в историографический «фронт», поскольку для одних «фронтир» предстаёт своеобразной лазейкой, призванной обосновать преимущественно конфронтационный характер формирования российского Северного Кавказа, другим позволяет осмыслить механизмы исторически обусловленной интеграции [18, с. 72]. Последняя позиция представлена в современном кавказоведении Школой В.Б. Виноградова, которая отстаивает концепцию «российскости» как парадигму северокавказского историко-культурного единства в составе России. Концепция «российскости», по мысли её авторов, предполагает осмысление механизма вхождения Кавказа в этнокультурное пространство России как глобальную предопределённость, тесную сопричастность, «совместничество», как взаимное тяготение во всех сферах исторического бытия [19, с. 6]. Исследовательскими усилиями В.Б. Виноградова, С.Л. Дударева, Н.Н. Великой. Ю.Ю. Клычникова, Б.В. Виноградова и др. концепция была творчески применена к изучению российско-чеченских отношений, к западнокавказскому материалу, прошлому северокавказского казачества, вехам вхождения Кавказа в состав России в целом, конкретным персоналиям, историко-культурным, литературным, научным реалиям региона и др. [20, 21, 22, 23, 24, 25]. На сегодняшний день

встречаются самые разные оценки концепции «российскости», в том числе и крайние, которыми движет чувство неприязни, плохо скрываемой зависти и воинствующего экстремизма [26]. Не со всеми подходами разработчиков этой концепции применительно к истории Кавказской войны можно однозначно согласиться – это слишком многогранная, неоднозначная и необъятная проблема с разнородными явлениями, которые весьма сложно встроить в жёсткую концептуальную схему. Однако представляется вполне справедливым ёмкое определение, данное ногойским учёным Рамазаном Хусиновичем Керейтовым и адыгейской исследовательницей Светланой Давлетбиевной Шаовой научно-педагогическому потенциалу коллектива: «Школа дружбы народов» [27, с. 86–87]. И действительно, сама постановка жгучих проблем современного кавказоведения, целая палитра предлагаемых вариантов решения, свежих идей и оценок, воспитание новых, ищущих и талантливых, интернациональных кадров кавказоведов – несомненная заслуга грозненско-армавирской Школы, вдохновлённой парадигмой «российскости». Поэтому её позитивный потенциал также необходимо задействовать в современных изысканиях.

Весьма перспективным применительно к истории военного противостояния на Кавказе выступает направление, получившее название империология. Империологические исследования дают наглядные примеры интеграционного воздействия имперского ядра на национальную периферию. Изучение арсенала стратегических средств Российской империи по вовлечению в её орбиту различных национальных и сословных элементов на конкретных фамильных и семейных хрониках позволяет лучше понять феноменологию российской и кавказской элиты, сложный мир идентичностей в пространстве Северного Кавказа [28, с. 19–31; 29, с. 37–62; 30, с. 21–29]. В современной западной историографии Российская империя также нередко оценивается как фактор мира, процветания и глобального обмена идеями; империям вообще оказывается свойственно чувство ответственности за проживающие на

имперской территории народы в гораздо большей степени, чем демократическим колониальным державам Европы [31, с. 124; 32, с. 317].

Осмысление и внедрение в практику кавказоведения современных научных направлений, которые условно можно обозначить как концепции «взаимопознания», будет способствовать творческому поиску ответов на суровые вызовы времени, позволит избежать крайностей в непростой картине взаимоотношений наших народов, поможет преодолеть эгоистические и конфронтационные подходы к историческому прошлому и духовному наследию многонационального Российского государства.

Ссылки:

1. *Дегоев В.В.* Социально-политические вызовы XXI века и пути развития российского кавказоведения // Кавказ в российской политике: история и современность. Материалы международной научной конференции. Москва, МГИМО (У) МИД России 16–17 мая 2006 г. / Под ред. В.В. Дегоева. М., 2007.

2. *Бондарь Н.И.* «Недосмотренный сон, недожитая жизнь» (К этнографии войны) // Российское общество и войны XX века: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвящённой 100-летию начала Русско-японской и 90-летию Первой мировой войны. Краснодар, 2004.

3. *Бондарь Н.И.* Сны войны (к этнографии Великой Отечественной войны 1943–1945 гг.) // Великая Отечественная война в пространстве исторической памяти российского общества: Материалы Международной научной конференции (28–29 апреля 2010 г., Ростов-на-Дону – Таганрог) / *Отв. ред. акад. Г.Г. Матишов.* Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2010.

4. *Тишков В.А.* Общество в вооружённом конфликте (этнография чеченской войны). М., 2001.

5. *Латин В.В.* Армия России в Кавказской войне XVIII – XIX вв. СПб., 2008. С. 378–379.

6. См.: *Пылков О.С.* Российская армия в трансформационных процессах на Северном Кавказе (конец XVIII – первая половина XIX вв.). Армавир, 2011.

7. См.: *Ткаченко Д.С., Колосовская Т.А.* «Мы на Кавказе воевали не для того, чтобы разбить неприятеля и уйти...» Социокультурная деятельность Кавказской армии (по воспоминаниям и исследованиям современников). Ставрополь, 2011.

8. *Марзей А.С.* Черкесское наездничество – «Зекгуэ» (Из истории военного быта чекесов в XVIII – первой половине XIX века). М., 2000.

9. *Тернер Ф.Д.* Фронтир в американской истории / Пер. с англ. *Л.И. Петренко.* М., 2009.

10. *Brooks, James F.* Captives & Cousins: Slavery, Kinship, and Community in the Southwest Borderlands. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2002.

11. *Herman, Daniel J.* Native American Representation. By Bataille, Gretchen M. The Western Historical Quarterly. 2003. Vol. 34. No.1. Spring.

12. *Гамагова Л.С.* Контактные зоны в истории Восточной Европы. М., 1998.

13. *Черноус В.В.* Культурно-цивилизационное взаимодействие на Северном Кавказе: история и некоторые тенденции // История: научные поиски и проблемы. Ростов н/Д, 2000.

14. *Хлынина Т.П., Кринко Е.Ф., Урушадзе А.Т.* Российский Северный Кавказ: исторический опыт управления и формирования границ региона. Ростов н/Д, 2012. С. 8–9.

15. *Олейников Д.И.* Противоречия культурного билингвизма: особенности психологии русского офицера-горца в период Большой Кавказской войны // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2002. Предмет, задачи, перспективы развития / Под ред. *Е.С. Сенявской.* М., 2002.

15. *Хлынина Т.П., Кринко Е.Ф., Урушадзе А.Т.* Российский Северный Кавказ: исторический опыт управления и формирования границ региона. Ростов н/Д, 2012. С. 9.

16. *Матвеев О.В.* Институт лазутчиков в антропологии Кавказской войны // Антропология конфликта и мира в культуре народов Кавказа (юга России):

материалы Всероссийской научно-практической конференции / *Научн. ред., сост. Н.И. Бондарь*. Краснодар, 2012.

17. *Матвеев О.В.* «Казачи высказали замечательное добродушие и человеколюбие...» К вопросу о последствиях Кавказской войны // *Казачество России: прошлое и настоящее: Сборник научных статей. Вып. 3.* Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2010.

18. *Приймак Ю.В.* Северо-Восточное Причерноморье во внутри- и внешнеполитических процессах формирования южных границ России (конец XVII – первая треть XIX в.). Армавир, 2011.

19. *Виноградов В.Б.* Российский Северный Кавказ: факты. события, люди. Книга регионоведческих статей. Очерков и зарисовок / *Под ред. С.Л. Дударева.* М., -Армавир, 2006.

20. *Виноградов В.Б.* Россия и Северный Кавказ: история в зеркале художественной литературы. Армавир, 2003.

21. Северный Кавказ с древних времён до начала XX столетия (историко-этнографические очерки) / *Под ред. и с предисловием В.Б. Виноградова.* Пятигорск, 2010.

22. Очерки истории Российского Северного Кавказа второй половины XVI – середины XIX века / *Под ред В.Б. Виноградова.* Славянск-на-Кубани, 2010.

23. *Клычников Ю.Ю.* Российская политика на Северном Кавказе (1827–1840 гг.). Пятигорск, 2002.

24. *Виноградов Б.В.* Интегративные проекты и дезинтегрирующие факторы в российско-северокавказских взаимоотношениях конца XVIII начала XIX в. Славянск-на-Кубани, 2009.

25. *Виноградов Б.В., Виноградов В.Б., Клычников Ю.Ю.* Российская власть и горский традиционный уклад: очерки взаимодействия в конце XVIII – начала XXI века. Славянск-на-Кубани, 2012.

26. *Баудинов И. В.Б. Виноградов, кавказоведческая школа академика В.Б. Виноградова, история народов Северного Кавказа* // <http://ran55.livejournal.com/2781.html>.

27. *Шаова С.Д., Баисова М.В.* Школа дружбы народов // Кавказоведческая школа В.Б. Виноградова: становление, современность, перспективы (материалы к заседанию «круглого стола» в честь 10-летия педагогической деятельности в Армавирском госпединституте). Армавир, 2012.

28. *Матвеев О.В.* Семейная история через призму империологии // Российско-польский исторический альманах. Вып. V. Ставрополь, 2011.

29. *Матвеев О.В.* Поляки в укреплениях Черноморской береговой линии в 30-е–50-е годы XIX века: история повседневности // Кубанский сборник. 2008. Т. III (24) / *Под ред. А.М. Авраменко и Г.В. Кокунько.*

30. *Матвеев О.В.* Великий князь Михаил Николаевич на завершающем этапе Кавказской войны // Былые годы. Черноморский исторический журнал. Сочи, 2009. № 3 (13).

31. *Дегоев В.В.* Введение в политическую историю Северного Кавказа (XVI век – 1917 год). Учебное пособие. М., 2009.

32. *Адиб Халид.* Российская история и спор об ориентализме // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология / *Сост. П. Верт, П.С. Кабытов, А.И. Миллер.* М., 2005.